

ЛИТЕРАТУРА

1. Программа «Совершенствование системы защиты общих информационных ресурсов Беларуси и России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://government.by/ru/rus_events28060602.html. – Дата доступа : 13.12.2017.
2. Как «работает» единое информационное пространство Союзного государства? [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/slushat-i-slyshat-souz.html>. – Дата доступа : 13.12.2017.
3. Россия и Беларусь создадут канал связи для обмена данными о налогах [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.rg.ru/2017/12/22/regzfo/rossiia-belarus-sozdadut-kanal-sviasi-dlia-obmena-dannymi-o-nalogah.html>. – Дата доступа : 22.12.2017.
4. Беларусь предложила РФ подготовить дорожную карту для отмены роуминга [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://tass.ru/ekonomika/48559021>. – Дата доступа : 22.12.2017.
5. Михайловская, С. Противопоставить киберугрозам комплексную защиту / С. Михайловская // Беларуская думка. Союзы Вектар. – 2017. – № 10. – С. 18–25.
6. Реализуемые союзные программы и проекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.postkomsg.com/programs/>. – Дата доступа : 13/12/2017.
7. Разрабатываемые союзные программы и проекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.postkomsg.com/programs/>. – Дата доступа : 13.12.2017.
8. Масловская, Е. А. Строительство союзного государства: итоги и перспективы / Е. А. Масловская [Электронный ресурс]. – Народная газета. – Режим доступа : <https://www.nb.by/publications/archive/201014/stroitelstvo-sojuznogo-gosudarstva- itogi-i-perspektivy-prodolzhenie/>. – Дата доступа : 18.10.2017.
9. Около \$180 млн потребуется на создание российско-белорусского спутника [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://postkomsg.com/science/215115/>. – Дата доступа : 17.12.2017
10. Теория инновационного взрыва [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.souzveche.ru/articles/our-union/40041/>. – Дата доступа : 24.12.2017.
11. Антонов, В. А. Опыт инновационного сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь в условиях становления Союзного государства / В. А. Антонов, А. Н. Корнеев // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 4. – С. 1–24.

Поступила в редакцию 21.03.2019

И. В. Ковалёва

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ПОСЛЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА: ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

В статье рассматривается влияние миграционного кризиса на изменение статуса правых партий в государствах Европейского союза. На примере различных стран проанализирована динамика электоральных результатов правопопулистских партий,

строивших свою предвыборную программу на проблемах миграции и неэффективности соответствующей политики правительств. Отмечено, что добившись успехов на выборах и обеспечив себе место в законодательной и исполнительной власти, антимиграционная и националистическая риторика правых партий становится менее радикальной; наблюдается переформатирование программ и лозунгов в сторону прагматизма; в целях устранения имиджа партий «одного вопроса» большее внимание начинает уделяться экономическим аспектам развития. Одновременно часть повестки дня, формируемой правопопулистскими партиями, переходит в программы традиционных правящих партий, которые реализуют ее в демократическом ключе.

Последнее десятилетие для Европы оказалось насыщенным различного рода кризисными событиями: глобальная рецессия экономики, долговой кризис целого ряда стран во главе с Грецией, рост центробежных тенденций, ярко проявившийся в событиях вокруг каталонского референдума, Брексит. Все эти события сопровождались во многих европейских странах сдвигом электоральных настроений, выразившимся в кризисе доверия к традиционным партиям и росте поддержки популистских партий правого и левого толка. Основным катализатором подобных изменений большинство исследователей называет миграционный кризис 2015 года. Целью настоящей статьи являются обзор изменений в политическом спектре и оценка причин, приведших к подобным явлениям.

Глобальный характер миграционных процессов в начале XXI в. подтверждается их масштабом, охватом практически всех стран мира, распространением на различные сферы жизнедеятельности общества, изменением форм миграции. По оценкам ООН в 2010 г. количество международных мигрантов достигло 214 млн человек, или 3,1 % мирового населения, при этом в 10 странах с наибольшим количеством мигрантов было сосредоточено 52 % их численности, а треть мигрантов проживали в Европе [1]. Классическая трудовая миграция дополнилась такими формами, как политические беженцы, беженцы из зон военных действий и гуманитарных катастроф, нелегальная миграция.

Даже на фоне такой глобализации миграционных процессов события 2015–2016 гг. в Европе по ряду причин рассматриваются исследователями как миграционный кризис. Во-первых, число мигрантов-беженцев резко возросло. Поток беженцев из зоны военных конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке начался с 2011 г., а в 2015 г. достиг своего пика. Число лиц, впервые ищущих убежища, составило 1 255 600 человек [2, с. 177]. Во-вторых, возникла проблема странового дисбаланса размещения прибывающих, обусловленная как «выгодностью» получения статуса беженца в той или иной стране ЕС, так и политикой нежелания принимать мигрантов правительствами некоторых стран (Польша, Чехия, страны Балтии) [3, с. 170]. По общему количеству принятых мигрантов явным лидером выступила Германия (около 890 тыс. человек в 2015 г.), но по количеству заявлений о признании беженцами на 1 млн местных жителей лидировали Венгрия (17 699), Швеция (16 016) и Австрия (9 970). Для сравнения в Хорватии этот показатель составил 34, Словакии – 50, Румынии – 64 [2, с. 176–177].

В-третьих, необходимость единовременной интеграции значительного количества инокультурных мигрантов (53 % прибывших представляли три страны – Сирию, Афганистан и Ирак) тяжелым бременем ложилась на бюджет. Возможное позитивное влияние в виде трудового участия мигрантов в национальных экономиках (в среднем они на 25 лет моложе европейцев, 51 % мигрантов относились к возрастной группе 18–34 года и еще 32 % были несовершеннолетними) нивелировалось недостаточным уровнем квалификации. Это обуславливает необходимость инвестиций в повышение квалификации в краткосрочном периоде перед угрозой размывания национальной идентичности в случае неинтегрированности мигрантов в долгосрочном.

Осознавая необходимость разрешения возникшей кризисной ситуации, европейские правительства предприняли ряд достаточно эффективных политико-правовых мер, соблюдая при этом базовые принципы европейской политической культуры – гуманизм и соблюдение прав человека. На надгосударственном уровне Еврокомиссии эти меры сводились к распределению квот на прием беженцев с целью выравнивания финансовых и гуманитарных усилий на их адаптацию и интеграцию в различных странах.

На уровне странового регулирования важнейшим примером выступает Германия, применившая разнообразные инструменты миграционной политики. Часть из них была направлена на ограничение миграции. Заключенное в марте 2016 г. по инициативе Германии соглашение между ЕС и Турцией содержит обязательство принятия турецкой стороной обратно нелегальных беженцев, прибывших в ЕС с ее территории, при финансировании европейской стороной обустройства лагерей для беженцев. Законодательно была упрощена процедура депортации нелегальных мигрантов; было ограничено право на воссоединение семей (приглашение ближайших членов семьи допускается теперь не ранее, чем через два года после получения разрешения на пребывание); для содержания соискателей, вызывающих сомнения, было создано пять специальных центров с ограничением права передвижения данных лиц районами размещения данных центров. Второе направление политики касалось интеграции. Стали обязательными интеграционные курсы, их количество увеличилось, а для ощущения сопричастности к процессу интегрирования участвующие в курсах мигранты должны вносить частичную оплату в размере 10 евро в месяц. Третье направление – изменение подходов к финансированию: кроме пропорционального распределения бюджетных расходов по землям в соответствии с распределением беженцев были сокращены расходы на медицинское сопровождение беженцев, а денежные выплаты заменены на материальную помощь (одежда, еда). Наконец, был облегчен доступ на рынок труда: по программе Министерства труда 2016 г. планировалось трудоустроить около 100 тыс. человек [4].

Несмотря на активные политические меры по урегулированию кризиса его начальные негативные эффекты в совокупности с произошедшими в европейских городах крупными террористическими актами подорвали доверие к традиционным политическим партиям, способствовали росту

радикальных настроений в обществе, расширению политического влияния партий правого толка. Особенно ярко данные тенденции проявились в Германии, Австрии и странах Северной Европы.

Германская система основывалась на противостоянии двух основных партий – блока ХДС/ХСС и СДПГ, организовывавших правительственную коалицию либо с третьей по силе Свободной демократической партией, либо между собой. Трансформация модели началась в конце 1990-х годов. Партийная система усложнилась, произошел отход от «управляемой многопартийности» – появились Партия зеленых, Объединенная левая партия и Альтернатива для Германии (АдГ). АдГ возникла в 2013 г. вокруг выделившейся из ХДС группы с целью противодействия политике правительства в отношении евроинтеграции. Поддерживая в целом участие ФРГ в Евросоюзе, АдГ выступала за строгое соблюдение всеми участниками финансовых критериев Маастрихтских соглашений, касающихся предельных показателей дефицита госбюджета, госдолга, темпов роста цен. Несоблюдение критериев привело ряд стран к финансовым проблемам, решаемым за счет стран с устойчивой финансовой системой, в первую очередь – ФРГ. Даже с такой «одновопросной» повесткой на выборах в бундестаг в 2013 г. партия почти преодолела пятипроцентный барьер, получив поддержку 4,8 % избирателей.

Миграционный кризис позволил партии нарастить политический капитал. Недовольство неэффективностью миграционной политики (нерешенная проблема нелегальной миграции, рост связанных с мигрантами преступлений, их культурная чуждость) стало основой программы сначала региональных избирательных кампаний партии, а затем и на федеральных выборах 2017 года. Чтобы отвести упреки в шовинизме, АдГ переформатировала предвыборные акценты – в частности, призыв к радикальному развороту в миграционной политике мотивировался озабоченностью судьбой демократии; произошла смена наиболее одиозных фигур в руководстве партии [4, с. 44]. В результате был достигнут серьезный электоральный успех – третье место (12,6 % голосов) и руководство тремя из 15 профильных комитетов парламента на фоне наихудших в истории результатов традиционных партий-лидеров. Блок ХДС/ХСС получил 33 %, а СДПГ – 20,5 % голосов. При этом миграционная политика вызвала недовольство и внутри правящего блока (председатель ХСС премьер-министр Баварии Х. Зеехофер потребовал от А. Меркель ограничения притока мигрантов), и со стороны СДПГ, которая еще до выборов заявила, что после них станет оппозиционной партией, поскольку участие в правительственной коалиции с ХДС на фоне непопулярности миграционной политики ведет к потере поддержки избирателей.

После создания парламентской фракции депутаты АдГ выступили за значительное сокращение притока мигрантов и против планов переформатирования ЕС в ущерб финансовому и государственному суверенитету Германии [5, с. 59]. Экономические аспекты выступают на первый план. Огромное финансовое бремя миграции (расходы на обустройство беженцев

составляют 0,8 % ВВП) в совокупности с детально проработанной экономической платформой позволили АдГ распространить начальную поддержку в восточных землях, где партия заняла первых два места на выборах в бундестаг, на всю территорию страны. На сегодня у нее есть фракции в парламентах всех шестнадцати земель. «Альтернативе» не свойствен излишний популизм, основной упор в партийной пропаганде делается на интересы экономически активных групп. Поддержка избирателями АдГ продемонстрировала традиционным партиям необходимость изменения миграционной политики.

Разочарование ведущими партиями в Австрии ярче всего проявилось на президентских выборах 2016 г., когда во второй тур не вышли представители ни одной из двух традиционных партий-лидеров (Австрийской народной партии и Социал-демократической партии Австрии), а за пост боролись бывший лидер Партии зеленых и представитель Австрийской партии свободы (АПС).

Генезис АПС в чем-то сходен с реформативизмом АдГ. Изначально ультрарадикальная националистическая партия в течение 1950–1990 гг. регулярно получала небольшое количество мест в парламенте, соответствующее 5–10-процентной поддержке избирателей. Выдвижение в 1986 г. в лидеры партии Й. Хайдера ознаменовалось успехом на федеральных выборах 1989 г. и содействовало созданию коалиционного блока с АНП. По итогам выборов в ландтаг Каринтии – родной земли Хайдера – он получил пост губернатора, которого был лишен после хвалебных высказываний в адрес политики занятости в Третьем рейхе. В 1990-е гг. партия наращивала присутствие в парламенте (16,6 % в 1990 г., 22,5 % в 1994-г. и, наконец, триумф в 1998 г. – 27,2 % и 2 место). Успех пришел несмотря на произошедший в партии раскол: в 1994 г. предпринимательское крыло партии, которое не устраивала националистическая риторика Хайдера, создало новую партию – Либеральный форум, сразу же преодолевшую парламентский барьер. АНП, впервые в 1998 г. не занявшая ни одного из двух ведущих мест, вступила в коалицию с АПС; лидер АНП был избран канцлером, а политики от АПС; заняли посты вице-канцлера, министров финансов, юстиции, обороны, соцзащиты, транспорта, инноваций и технологий. Вхождение в правительство европейской страны правых националистов привело к волне протестов в самой Вене и санкциям Брюсселя в отношении страны-члена ЕС. Поскольку одним из предвыборных лозунгов АПС было ограничение миграции (а уже тогда доля мигрантов в промышленности страны составляла 10 % занятых, и Хайдер умело пользовался этим фактом на фоне растущей безработицы среди коренного населения), ЕС инициировал проверку деятельности министров АПС, которая показала отсутствие в поведении мотивов для критики [5, с. 55].

В результате уже следующие выборы в 2002 г. возвратили АПС на уровень ниже 10 % голосов избирателей, что привело партию к осознанию необходимости перемен – и с 2005 г. она все более превращается в обычную

правопопулистскую. Тем не менее, антииммиграционная программа позволила нарастить парламентское присутствие – 11 % в 2006 г., 17,5 % на досрочных выборах в 2008, 20,5 % в 2013 и 26,5 % (51 место в нижней палате парламента) в 2017 году. По итогам последних выборов снова сформирована коалиция АНП – АПС, канцлер С. Курц представляет АНП (62 места), лидер АПС Х.-К. Штрахе занял пост вице-канцлера, представители АПС заняли еще ряд министерских кресел. Невзирая на жесткую предвыборную риторику в отношении беженцев, Штрахе выглядит «не воинствующим евроскептиком-националистом, а взвешенным рассудительным политиком с тонкой нюансировкой ... проблем миграции, внутренней и внешней безопасности... АПС отвергает всякое проявление насилия, тоталитаризма и расизма» [5, с. 56–57]. Партии удалось дистанцироваться от национализма, произошла эволюция ее воззрений в пользу демократии и правового государства.

На фоне успехов АПС несколько в тени оказывается еще одна партия, основной темой которой также является миграция. Созданная в 2012 г. партия NEOS (Новая Австрия/Либеральный форум) также представлена в парламенте, получив 4,9 % и 5,3 % голосов на выборах 2013 и 2017 годов. Политическая позиция партии включает сокращение государственного долга, снижение налогов, отказ от государственного финансирования политических партий. В социальной сфере при благосклонном отношении к беженцам в целом партия выступает за их прием после длительных проверок, за ограничение воссоединения семей, за сокращение пособий, пресечение нелегальной миграции и избирательном привлечении мигрантов в зависимости от потребностей рынка труда – минимизация привлечения в сельское хозяйство и туристическую индустрию при максимальном привлечении лиц с высшим образованием.

Также на волне миграционных проблем состоялся взлет популярности Партии свободы в Нидерландах, созданной в 2006 г. и занимающей жесткую позицию по вопросам иммиграции и связанных с ней социокультурных процессов. На парламентских выборах партия постоянно преодолевала необходимый минимум: 2006 г. – 5,9 %, 9 депутатских мандатов; 2010 – 15,5 %, 24 мандата, 3 место; 2012 – 10,1 %, 15 мандатов, 3 место; 2017 г. – 13,1 %, 20 мандатов, 2 место [6]. Интересно, что правящая Народная партия за свободу и демократию еще в 2010 г. приняла на вооружение идею Партии свободы об уменьшении пособий для иммигрантов в целях борьбы с последствиями экономического кризиса.

Скандинавские партии прогресса (в Дании и Норвегии) возникли до эры массовой миграции, и основой их предвыборной программы было сокращение налогов на бизнес, уменьшение государственного вмешательства в экономику в сочетании с ростом расходов на здравоохранение и образование. Это обеспечивало поддержку избирателей на уровне создания парламентских фракций (процент голосов доходил до 15,6). Реформы 1980-х гг. сделали предыдущую повестку дня неактуальной – и партии переключились на злободневные миграционные проблемы. В Норвегии Партия прогресса

в последнее десятилетие занимает 2–3 место по результатам выборов в парламент, а в 2013 г. впервые получила посты министров финансов, нефти и по делам иммиграции и интеграции. Датская Партия прогресса с 2001 г. становится третьей по величине в парламенте и участвует в формировании коалиционного большинства в обмен на выполнение своих требований по вопросам ужесточения миграционной политики [6, с. 39].

Правопопулистская партия «Истинные финны» выступает за повышение пенсий и стипендий, рост субсидий аграрному сектору и сокращение налогов на полезные продукты, а также за ограничение притока мигрантов и ускорение их адаптации и социальной интеграции путем запрета государственного финансирования поддержки привносимой культуры. На последних двух парламентских выборах в 2011 и 2015 гг. партия набирала 19,1 % и 17,6 % (соответственно 3-е и 2-е место).

«Шведские демократы» – партия, выступающая за сокращение неевропейской иммиграции в страну (особенно за ограничение возможностей въезда в страну родственников уже находящихся в ней мигрантов), за социальное равенство, снижение налогов и экологическое сознание, сохранение истинных шведских ценностей – в 2010 г. впервые попала в парламент (5,7 %). В последующем партия получила поддержку 12,9 % избирателей в 2014 г. и 17,5 % в 2018 г. (оба раза – 3 место). Последние выборы в Швеции в очередной раз показали, что общеевропейская проблема с мигрантами становится благодатной почвой для получения хорошего результата правыми партиями.

Консервативная народная партия Эстонии, программа которой включает антииммигрантские меры, заняла 3-е место на выборах в парламент 3 марта 2019 г. (17,8 % и 19 мест в сравнении с 7-ю местами в 2015 г.) [7].

Миграционный кризис явился одним из основных факторов формирования политического ландшафта на европейском континенте в последнее десятилетие. Недовольство европейской общественности неэффективностью миграционной политики позволило правопопулистским партиям получить небывалую поддержку избирателей. Число их сторонников выросло почти во всех странах ЕС. Политический успех приводил руководство данных партий к расширению политической повестки, чтобы не выглядеть партиями «одного вопроса», и к смягчению антииммигрантской риторики в сторону более взвешенной политики. Кроме того, традиционные партии вынуждены обратить внимание на проблемы, которые реально волнуют электорат, перехватывая часть предвыборной повестки популистских партий, включая миграционную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щербакова, Е. Международные миграции: мировой срез / Е. Щербакова // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. – 2012. – № 513–514. – Режим доступа : <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/barom02.php>. – Дата доступа : 10.03.2019.

2. Суворова, В. А. Миграционный кризис в Европе: проблемы вынужденной миграции / В. А. Суворова // Власть. – 2018. – № 1. – С. 176–179.
3. Медушевский Н. А. Миграционный кризис в Европе сквозь призму статистических данных / Н. А. Медушевский // Власть. – 2017. – № 11. – С. 169–172.
4. Малахов, В. С. Германия после «миграционного кризиса»: политика, экономика, общество / В. С. Малахов // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 5. – С. 41–51.
5. Васильев, В. И. Европейская политика Австрии и Германии: между прагматизмом и правым популизмом / В. И. Васильев // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 8. – С. 54–64.
6. Бадаева, А. С. Ультраправые в Западной Европе: на пределе возможностей / А. С. Бадаева // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 2. – С. 37–46.
7. Парламентские выборы в Эстонии выиграла Партия реформ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.belta.by/world/view/parlamentskie-vybory-v-estonii-vyigrala-partija-reform-338788-2019>. – Дата доступа : 06.03.2019.

Поступила в редакцию 14.03.2019

А. М. Кушнярэвіч

АБ РОЛІ ГЕРМАНСКИХ УПЛЫВАЎ НА ЕЎРАПЕІЗАЦЫЮ БЕЛАРУСКИХ ЗЯМЕЛЬ У XIV–XVIII ст.: СУЧАСНЫ ПОГЛЯД У АЙЧЫННАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ І КУЛЬТУРАЛОГІІ

В статье характеризуется история исследования немецких влияний на правовую и конфессиональную культуру белорусских земель XIV–XVIII вв. в отечественной гуманитарной науке XX – начала XXI в. Отмечается, что данная тема характеризуется недостаточной ее разработанностью в отечественной историографии с точки зрения концептуальных обобщений и конкретных выводов по основным аспектам роли германских влияний на степень интеграции белорусской культуры рассматриваемого времени в европейскую цивилизацию. Предшествующие работы, по мнению автора, подготовили основу для обобщающе-культурологического исследования данной проблемы.

Актуальнасць вывучэння германа-беларускіх культурных стасункаў дадзенага часу абумоўлена тым, што на сучасным этапе развіцця міжнародных адносін Германія пераўтварылася ў адну з вядучых еўрапейскіх краін, якая дынамічна развіваецца і рознабаковыя ўплывы якой у свеце пастаянна ўзрастаюць, таму развіццё двухбаковых кантактаў з гэтай краінай у розных сферах дзейнасці мае для Беларусі вялікае значэнне. Асновай жа для паўнавартаснага ўзаемнага культурнага супрацоўніцтва з'яўляюцца, з аднаго боку, унікальнасць і самабытнасць культурных традыцый абедзвюх краін, а з другога – назапашаны ў папярэднія часы прадуктыўны вопыт культурных кантактаў, які можа стаць прадметам навуковых даследаванняў і асновай далейшых плённых германа-беларускіх міжкультурных сувязяў.